

Е. С. Полунин

ИТОГИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДЛЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АФРИКИ И ПОЛЬШИ

АННОТАЦИЯ. Сравниваются судьбы двух групп зарубежных немцев после Первой мировой войны — немецкой общины бывшей германской колонии Юго-Западная Африка и немецкого населения вошедших по итогам войны в состав польского государства территорий. Выделяется общее и особенное в условиях существования немецкой диаспоры и меньшинства по следующим аспектам национальной политики Южно-Африканского Союза и Польши: переселение немцев, их социально-экономическое и правовое положение, политика властей в сфере культурного развития немецкого населения. В обоих случаях, особенно в первое время после войны, новые власти, стремясь закрепиться на соответствующих территориях, пытались потеснить бывших немецких хозяев. Вместе с тем и на западе Польши, и в ЮЗА в межвоенные годы имелись условия для сосуществования с немецкими миноритарными группами: южноафриканская администрация была заинтересована в сотрудничестве с немцами в эксплуатации мандатной территории, поляки шли на уступки по немецкому вопросу, в частности ради улучшения отношений с Германией. Тем не менее в обеих группах были сильны симпатии к идеям возвращения соответствующих земель Германии, многие немцы хотели вновь почувствовать себя здесь единоличными хозяевами. Представители польских немцев содействовали гитлеровской Германии в реализации этих идей, что сказалось на их судьбе после Второй мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: немецкие меньшинства и диаспоры, Юго-Западная Африка, Польша, миграции, права национальных меньшинств, лояльность, ирредентизм

УДК 94(438+68)»1914/19»

DOI 10.31250/2618-8619-2019-4(6)-202-212

ПОЛУНИН ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ — к.и.н., старший научный сотрудник Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил, Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина (Россия, Воронеж)

E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru

Первая мировая война и распад Германской и Австро-Венгерской империй способствовали образованию новых немецких меньшинств в Европе, кроме того, в межвоенные годы наблюдалась активизация миграций немцев за океан. Еще руководство Второго рейха пыталось использовать проживавших в других странах и регионах немцев в своих внешнеполитических интересах, однако именно веймарские и особенно нацистские политики, воспользовавшись распространенностью симпатий к Германии среди немецких диаспор, ближе всего смогли подойти к реализации идеи превращения заграничных немцев в инструмент германской политики. Германские националисты культивировали идеи общности судеб немцев по всему миру, всячески раздували проблему ущемления их интересов, ограничения прав и притеснений. Подогревание имевшегося недовольства зарубежных немцев реалиями межвоенных лет должно было подготовить почву для поддержки немецкими меньшинствами политики Германии в отношении стран их расселения вплоть до ревизии границ.

Для понимания общих тенденций в судьбе различных групп зарубежных немцев по итогам Первой мировой войны интерес представляет сравнительный анализ положения немецкого населения Польши и бывшей германской Юго-Западной Африки (далее — ЮЗА). Несмотря на множество существенных различий в жизни этих немецких групп, представляющих, с одной стороны, немецкое приграничное меньшинство, а с другой — отдаленную диаспору (нем. *Fernminderheit*), у них оказалось немало общего: тесная связь с Германией, активная политическая борьба, популярность идей ирредентизма. При этом немцы Польши и ЮЗА рассматривались немецкими политиками как важный ресурс для территориальных претензий в Восточной Европе и восстановления колониальной империи, что соответствующим образом влияло на отношение к данным немецким меньшинствам в странах проживания. А восприятие немецкими миноритарными группами основного населения, в свою очередь, находилось под влиянием в некотором роде схожих идей культуртрегерства (в случае с поляками) и цивилизаторской миссии (в случае с африканцами).

В историографии проблемы немецкого населения Юго-Западной Африки в межвоенный период поднимается широкий спектр вопросов. В исследованиях советских авторов много внимания уделялось социально-экономической роли немцев в ЮЗА, участию немецкого населения в эксплуатации африканцев на подмандатной территории (Притворов 1984; Александров 1934), распространению национал-социализма в немецкой общине (Николаев 1979). В немецкой историографии, особенно связанной с немецкой диаспорой, одними из основных проблем предстают притеснения немецких колонистов властями Южно-Африканского Союза (далее — ЮАС) (Hoffmann 1991) и борьба немецкого населения бывшей германской колонии за свои политические и культурные права (Bertelsmann 1979). В современной отечественной науке история немецкого населения в ЮЗА наиболее полно и беспристрастно, с учетом самых разных сторон их жизни показана в монографии крупного историка-африканиста А. С. Балезина «Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке» (1996).

Как в советских, так и в российских исследованиях по проблеме польских немцев центральным зачастую выступает вопрос о немецкой «пятой колонне» в Польше. Хотя эта тема всегда отличалась политической актуальностью, все же в советский период она также была изучена слабо. В ФРГ особое внимание уделялось попыткам поляков через ассимиляцию и вытеснение немцев добиться гомогенизации страны (Lemberg 2004). Современные отечественные исследователи стараются оценить роль немцев в жизни и судьбе межвоенного польского государства с учетом широкого спектра обстоятельств, с оглядкой на самые разные мнения, как поляков, так и немцев (Кретинин 2019).

На наш взгляд, дальнейшему развитию историографии обозначенных вопросов поспособствует появление работ, в которых проблема немецких меньшинств и диаспор будет показана не только на уровне отдельных стран или регионов, в первую очередь Европы (Fink 1972), но и глобально, в широком международном контексте. В случае с событиями межвоенных лет это позволит взглянуть в целом на то, как зарубежные немцы (нем. *Auslandsdeutsche*) в самых разных уголках мира ощутили на себе итоги мировой войны, как и почему реагировали на новые условия. Тем самым реконструируется история немецкого зарубежья как своего рода целостности (с учетом связей между различными немецкими заграничными группами, а также между ними и Германией), понимание которой, в свою очередь, позволит по-новому посмотреть на прошлое немецких меньшинств и диаспор в отдельных странах.

Какие же последствия Первой мировой войны определили новые реалии жизни для немцев Польши и ЮЗА? Прежде всего, война дала старт миграционным процессам: англичане и французы проводили депортации (Panayi 1992; Douglas 2012: 93–96), территории Восточной Европы этнические немцы покидали зачастую добровольно, хотя и под влиянием изменившихся обстоятельств. В Европе оставшиеся по ту сторону новых германских границ рейхсдойче оказались перед выбором — отказаться от германского гражданства или уехать (Кукушкина 2017: 147–148); в Восточной Африке, Камеруне и Того немцы не получили права на натурализацию (Hoffmann 1991: 22). До определенной степени и английские, и польские власти были заинтересованы в очищении попавших под их контроль территорий от немецкого населения. Англичане, в частности, опасались подрывной деятельности немцев (в меморандуме А. Бальфура высказаны опасения о разжигании оставшимися в бывших колониях немцами вражды африканцев против новых господ /Морозов 2009: 126–128/), хотели перераспределить немецкую собственность (Hoffmann 1991: 22). Кроме того, и в ЮАС, и в Польше понимали, что факт наличия многочисленного немецкого населения может использоваться Германией в качестве основания для соответствующих территориальных претензий. Англичане, в отличие от поляков, имели большую свободу рук для действий. Из бывшей германской колонии с конца 1918 г. выслались немецкие военные, чиновники и нежелательные лица (Балезин 1996: 116). Часть немцев покинула ЮЗА, не желая мириться со своим новым положением. В итоге в 1919 г. немецкая община в Юго-Западной Африке уменьшилась наполовину: уехали 6374 человек, из них 1433 — добровольно. Если в ЮЗА подписание Версальского договора означало завершение депортаций (Hoffmann 1991: 22), то для перешедших Польше бывших германских восточных территорий это стало началом оттока немецкого населения. В 1918–1919 гг. западные земли межвоенной Польши покинули от 400 до 800 тыс. немцев, что, как отмечает известный специалист С. В. Кретинин, также составляло около половины немецкого меньшинства в Польше (Кретинин 2019: 31–32). Германия обвиняла Польшу в изгнании немецкого населения (Fink 1972: 335).

В межвоенные годы «новые хозяева» (английские, бурские, польские чиновники, крестьяне, фермеры) активно заселяли бывшие германские территории и колониальные владения, и это всячески поддерживалось властями ЮАС и Польши. Привлекались переселенцы не только из внутренних районов, но и извне — поляки из Германии (Кретинин 2019: 41), буры из Анголы (Александров 1934: 220). В итоге если вначале войны в ЮЗА немцы составляли большинство белого населения, то в 1930-е годы — около трети — восемь тысяч человек (Балезин 2016: 369–370; Александров 1934: 213). К тому времени по сравнению с началом века белое население Юго-Западной Африки почти удвоилось, причем в основном за счет переселений из ЮАС (Притворов 1984: 55). В межвоенные годы снижался и процент немецкого населения Польши.

Однако немецкая группа в ЮЗА сократилась в основном за счет депортаций и добровольного отъезда в конце войны, что отличало эти территории немецкого расселения и от довоенных германских территорий в Европе, и от прочих бывших германских колоний, миграции откуда шли уже после Первой мировой войны. Более того, с начала 1920-х годов наблюдается приток немцев в ЮЗА (Bertelsmann 1979: 16–17) ввиду роста популярности идей возвращения колонии (Балезин 1996: 156–157). Например, в 1935 г. в Юго-Западную Африку прибыли 629 немецких мигрантов, в 1936 г. — 1011, в 1938 г. — 1137 (Николаев 1979: 115–116). Из Польши же на протяжении межвоенных лет немцы всячески вытеснялись: через заселение польскими мигрантами, через политику в области гражданства, через выселение немецких землевладельцев с приграничных земель (Кретинин 2019: 41–46). Определенную роль здесь сыграли настроения политиков: после получения мандата на ЮЗА власти ЮАС в большей степени заботило обеспечение этих территорий белым населением (Bertelsmann 1979: 16–17), к тому же часть политической элиты страны симпатизировала немцам (Балезин 1996: 117). Опасения же поляков потерять западные земли на фоне распространения националистических настроений в Германии только усиливались.

Для оставшихся в ЮЗА и в Польше немцев одним из важнейших последствий Первой мировой войны стало ухудшение их экономического положения. Английские власти конфисковали фермы депортированных немцев (Балезин 1996: 116), запретили немецкие колониальные фирмы (Кукушкина 2017: 147–148), всячески поддерживали новые бурские хозяйства. Южноафриканский закон о заселении ЮЗА фактически был ориентирован на расширение сектора бурских хозяйств, такая политика виделась немцам завоевательской (Hoffmann 1991: 25). Немецкие колонисты играли при этом важную роль в экономике Юго-Западной Африки, поэтому их ослабление сказалось на общем хозяйственном положении территории. Например, не было замены уехавшим немецким землемерам и ветеринарам (Bertelsmann 1979: 16, 15), в некоторых районах опустели хозяйства и квартиры (Swakopmund... 1990: 27).

Поляки провели аграрную реформу не в пользу немецких землевладельцев (Кретинин 2019: 31), пытались потеснить немецких предпринимателей. Представители немецких меньшинств заметно ощутили на себе последствия всемирного экономического кризиса, в частности в Верхнесилезском индустриальном районе многие немцы потеряли работу (Кретинин 2019: 110–111).

Тем не менее обе немецкие группы сохранили сильные позиции в экономике территорий проживания. Несмотря на предоставленные бурам и англичанам преимущества в обустройстве сельского хозяйства, эксплуатации туземцев, в 1920–1940-е годы наиболее прибыльные фермы в ЮЗА оставались во владении немцев. Немецкие колонисты сохранили контроль над производством каракуля — важной статьей в экспорте с этих территорий (Притворов 1984: 61, 57–58). Десять ликвидированных в ЮЗА бывших германских колониальных предприятий к 1933–1935 гг. восстановились (Николаев 1979: 117–118). На протяжении всего межвоенного времени немцы владели значительным капиталом в промышленности и сельском хозяйстве Польши (Wynot Jr. 1972: 30). Представляется, что в обоих случаях государству было выгодно сотрудничество с немецкими предпринимателями, в частности в ЮЗА для совместной эксплуатации природных богатств и африканского населения (Александров 1934: 225), в Польше — для развития экономики страны в целом.

Особым образом немцев ЮЗА с немецким населением Восточной Европы роднит развернутая ими в межвоенные годы активная борьба за собственные права. Исходной точкой здесь было решение вопроса о гражданстве, от чего зависела возможность немцев остаться на территориях

проживания и пользоваться соответствующими правами. В отличие от ситуации в прочих бывших германских колониях (Балезин 1996: 138), в ЮЗА немцы были натурализованы и в то же время сохранили германское гражданство (Bertelsmann 1979: 1). Р. Ферст связывает это с тем, что администрация ЮАС была заинтересована в немецком населении как носителя европейской культуры и порядков (Ферст 1965: 69).

Согласно ст. 91 Версальского мирного договора, бывшие немецкие граждане, проживавшие на перешедших Польше территориях до 1908 г., получали польское гражданство с исключением германского, а также возможность оптировать в пользу Германии и переехать туда (Мирный договор...). В ЮЗА немецкие колонисты автоматически получали гражданство, к чему они сами изначально не стремились, рассчитывая получить статус граждан мандатной территории (Bertelsmann 1979: 12–14). В Польше же власти изыскивали возможности лишить польских немцев гражданства под предлогом непрохождения военной службы, длительного пребывания за границей, просрочки документов и т. д. (Кретинин 2019: 47, 175). В конечном счете, как отмечает С.В. Кретинин, в польско-немецком споре по вопросу оптации победила польская сторона, рассматривавшая выбор гражданства и переезд в соответствующую страну в качестве обязанности, а не права (Кретинин 2019: 44). Думается, что такое положение также определялось тем, что власти ЮАС отчасти симпатизировали немцам и были заинтересованы в них, в отличие от польских политиков, неизменно видевших в немецком населении угрозу своей власти на западных территориях.

С этим же связаны различия в обеспечении прав немцев в ЮЗА и Польше, от политических до культурных. Невзирая на дефицит поддержки из ослабленной войной Германии и отсутствие у нее договоренностей с державами-победительницами касательно обеспечения прав для немцев в бывших колониях, немецкие колонисты развернули в начале 1920-х годов движение за самоопределение и добились признания своих прав (на язык, школу и церковь) в Лондонских соглашениях 1923 г. (Bertelsmann 1979: 2; Балезин 1996: 129–131). Высказаться по поводу судьбы территории проживания немцы ЮЗА не могли, однако немецкие депутаты Законодательного собрания участвовали в управлении территорией (Балезин 1996: 135–137). В итоге, как подчеркивает немецкий исследователь Бертельсманн, среди отдаленных немецких меньшинств лишь немцы Юго-Западной Африки боролись за свое право на самоопределение (Bertelsmann 1979: 1). Главным образом это движение было характерно для немецкого населения Восточной Европы.

В Польше автономия была предусмотрена для Верхней Силезии, доставшейся полякам по итогам плебисцита (Кретинин 2019: 50). Защита прав польских немцев как национальных меньшинств обеспечивалась международными договоренностями (политическое, культурное, религиозное равенство (Fink 1972: 331; Ильинская 2017: 101–102), польскими законами и польско-германскими договорами (договор о Верхней Силезии от 15 мая 1922 г. (Wynot Jr. 1972: 25), опекой соответствующих институтов Лиги Наций (Fink 1972: 340), однако эта проблема в Польше стояла острее, чем в ЮЗА. Польские власти нередко формально подходили к вопросу, а фактически придерживались линии на полонизацию меньшинств (Носкова 2017: 85–86). В этой ситуации польские немцы активно выступали за свободу развития немецкого языка, культуры и школ в Польше, за обеспечение для немцев равного с поляками доступа в местную администрацию (Польша... 2012: 145).

После перехода под управление ЮАС немецкие колонисты добились права на свободное использование немецкого языка в официальных учреждениях и в культурной жизни в целом, сохранения немецкого школьного образования (Балезин 1996: 192, 120–123) и немецкой церкви. Культурное развитие немцев в ЮЗА шло достаточно обособленно, английский они знали редко,

попытки их ассимиляции были малоуспешны. Это обеспечивало относительно изолированное существование здесь немецкой традиционной культуры (Bertelsmann 1979: 7–8; Макарова 2009: 19).

В Польше наблюдалась иная ситуация: польский язык и культура нередко оказывали влияние на местных немцев (в частности, в Верхней Силезии (Schwarz 1965: 17, 18), к тому же в первую очередь через школьную политику власти активно пытались полонизировать немецкое меньшинство (Lemberg 2004: 114–115). Тем не менее в межвоенном польском государстве работали многочисленные немецкие культурные учреждения. По количеству немецких газет Польша уступала лишь Чехословакии и США. Несмотря на сокращение численности немецких школ в польском государстве (на фоне уменьшения немецкого населения страны в целом (Wynot Jr. 1972: 36, 38, 42–43), опыт устройства школьной жизни польскими немцами в ЮЗА рассматривался в качестве образцового (Bertelsmann 1979: 17–21).

Как и для многих групп немецких меньшинств и диаспор, важную роль в сохранении культурной идентичности за рубежом играла протестантская немецкая церковь. Лютеранская церковь в ЮЗА заметно отличала немецкую общину от основного населения и его африканской церкви (Bertelsmann 1979: 4). Протестантизм многих польских фольксдойче (немецкие католики проживали в Верхней Силезии, в Галиции) также разделял их с титульным польским населением. При этом объединенная немецкая протестантская церковь в Польше отличалась шовинистическими настроениями (Wynot Jr. 1972: 31–32, 39–41).

В целом власти ЮАС надеялись через обеспечение немецкой общине свободной культурной жизни выстроить сотрудничество с немецкой частью белого населения ЮЗА. А чуткость польских властей к требованиям Германии в школьном вопросе связывается с надеждами на улучшение польско-германских отношений (Wynot Jr. 1972: 42–43).

Память о германской колонизации и владычестве, о событиях Первой мировой войны предопределила напряженность между поляками и немцами (Кретинин 2019: 9). Она проявилась в столкновениях в период Верхнесилезских восстаний (Nawratil 1999: 44), в событиях, известных как «Черное кровавое Вербное воскресенье» в Лодзи, в эксцессах в преддверии Второй мировой войны (Кретинин 2019: 39–43, 114–123, 176–178). В Юго-Западной Африке оснований для взаимных претензий было куда меньше. Тем не менее немецкие колонисты неохотно уступали свое положение новым хозяевам, натянутость в отношениях немцев и буров все же имела место. Однако сильным объединяющим фактором была опять же необходимость выступать единым фронтом в отношениях с африканским населением (Ферст 1965: 77, 70; Притворов 1984: 55–56) и в развитии своей территории. Это сглаживало имеющиеся противоречия.

Один из важнейших вопросов в истории зарубежных немцев после Первой мировой войны — как изменения их положения повлияли на лояльность немецких меньшинств и диаспор к странам проживания и на их переориентацию на гитлеровскую Германию в 1930-е годы. Условия жизни немецкой общины в ЮЗА после передачи мандата ЮАС, и не только в сравнении с положением немцев в прочих бывших колониях, были достаточно благоприятными (Александров 1934: 213), хотя немецкие колонисты и перестали чувствовать себя здесь хозяевами (Балезин 1996: 7–8). Южноафриканские власти много внимания уделяли обеспечению лояльности немецкого населения ЮЗА (Bertelsmann 1979: 6–7), на положении которого положительно сказывались прогерманские настроения в ЮАС (Балезин 1996: 251).

Иным образом ситуация сложилась в Польше, прежде всего на западных землях страны, где бывшие рейхсдойче зачастую не были настроены на интеграцию в формировавшееся польское государ-

ство (Pinon 1961: 81–84). Попытки поляков вытеснить неблагонадежных немцев из страны, потеснить польских немцев в экономике и ограничить преподавание на немецком языке, периодические вспышки польско-немецкой напряженности, подогревание Германией ревизионистских и националистических настроений среди польских фольксдойче — все это не способствовало сближению титульной нации и немецкого меньшинства. Далеко не являясь самым многочисленным меньшинством в межвоенной Польше, немцы, хотя они и жили лучше славянского непольского более многочисленного населения (Wynot Jr. 1972: 63), были настроены наиболее радикально, в том числе по сравнению с другими меньшинствами Восточной Европы в целом (Lemberg 2004: 101–104). Противодействие ревизионизму немецкого меньшинства в определенной степени консолидировало и польское общество, и белое население ЮЗА (Кретинин 2019: 54–55; Bertelsmann 1979: 7).

Несмотря на различия в обеспечении прав и свобод среди немцев и в ЮЗА, и в Польше в 1930-х годах наблюдался всплеск популярности идей ирредентизма и национал-социализма. Это предопределялось многими общими для большинства групп зарубежных немцев обстоятельствами: тесные связи заграничных немцев со страной происхождения (Bertelsmann 1979: 7–8), ностальгия по кайзеровской империи, организационная и финансовая зависимость многих зарубежных немецких организаций и институтов (школы, церкви) от Германии (так, Союз немцев ЮЗА изначально ориентировался на финансирование из Берлина /Балезин 1996: 133–134/), надежды представителей немецких меньшинств и диаспор рассчитывали на восстановление былого положения благодаря германской поддержке (вновь стать единоличными хозяевами в ЮЗА) /Балезин 1996: 180–181/, вернуть себе господство над поляками /Wynot Jr. 1972: 34/, среди немцев запада Польши особую популярность идеи собирания населенных немцами земель (Wynot Jr. 1972: 62) и возвращения колоний (ландесгруппа НСДАП в ЮЗА потребовала возвращения колонии Германии в 1934 г. /Балезин 1996: 174–175; Притворов 1984: 58/).

Притягательность образа нацистской Германии для немцев ЮЗА в значительной степени объяснялась восхищением успехами нацистов в деле объединения населенных немцами территорий, надеждами немецких колонистов на возвращение ЮЗА Рейху (Балезин 1996: 180–181). Внешнеполитическая установка нацистов на ревизию восточных границ, национализм и имперская идея находили поддержку или во всяком случае понимание у польских немцев, причем у представителей как старшего, так и младшего поколения (Кретинин 2019: 123).

В отличие от ситуации в ЮЗА, где нацизм был представлен в основном зарубежными отделениями НСДАП (существовала в ЮЗА еще до прихода Гитлера к власти /Ферст 1965: 71–73/), в Польше действовало собственное немецкое национал-социалистическое движение — младонемцы (Кретинин 2019: 130–136). Говорить о полной победе нацистов как в немецкой общине ЮЗА, так и в Польше, все же не приходится. Бертельсманн отмечает, что германский нацизм проникал в Юго-Западную Африку зачастую вместе с мигрантами из гитлеровской Германии, прибывшие же сюда в предыдущие годы переселенцы разделяли идеи германского национализма кайзеровского времени (Bertelsmann 1979: 4). Группы внутри немецкого населения Польши отличались друг от друга некоторыми особенностями, в первую очередь выделяются отличия между немцами западных территорий польского государства и бывших земель Царства Польского. Для последних была характерна разобщенность, меньшая зависимость от Берлина, большая лояльность к польскому государству. А западные польские немцы в большей степени ориентировались на Рейх и активнее призывали к возвращению территорий их проживания Германии (Кретинин 2006: 238–239; Wynot Jr. 1972: 62).

Немецкое население подмандатной территории, во всяком случае отчасти, например через немецкие объединения ЮЗА, оказалось связано с германскими нацистами. Распространением

фашистских идей в колониях, защитой там интересов НСДАП занимался Имперский колониальный союз. Нацистской партии к началу Второй мировой войны удалось обеспечить себе контроль над руководством немцев в колониях. В состав немецкой «пятой колонны» в Юго-Западной Африке С.И. Николаев включает проходивших военную службу в гитлеровской Германии местных немцев и привлеченных африканцев, тайно снабжавшихся германскими колониальными компаниями (Николаев 1979: 114–115, 116).

Многие польские немцы симпатизировали некоторым идеям германских нацистов (Кретинин 2019: 133). Показательны факты дезертирства польских немцев в начале войны. В то же время далеко не все немцы ЮЗА приняли нацизм, а часть польских фольксдойче, особенно на востоке страны, сохранила свою верность польскому государству и 15–20 тысяч польских немцев участвовали в войне на польской стороне (Кретинин 2019: 203–204). Среди представителей зарубежных немецких диаспор и меньшинств встречались антифашисты (Кретинин 2019: 204). Тем не менее, используя возможности организационно и финансово влиять на зарубежных немцев по всему миру, нацисты активно работали над постановкой немецкого зарубежья под свой контроль. В итоге в ЮЗА отделения Национал-социалистической немецкой рабочей партии попали под запрет (Балезин 2016: 373–374), некоторые представители немецкой общины были интернированы (Притворов 1984: 61–63). А в Польше немцы в годы Второй мировой войны сотрудничали с германским оккупационным режимом, в частности участвуя в угнетении польского народа и преступлениях против него (Кретинин 2019: 205–207).

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что схожесть судеб немецкой общины в Юго-Западной Африке и на западе Польши в период между двумя мировыми войнами, на наш взгляд, не в последнюю очередь связана с особенностями довоенного статуса территорий и самого их немецкого населения. Еще недавно, до Первой мировой войны, колония ЮЗА и западные земли межвоенного польского государства принадлежали Германии, а проживавшее здесь немецкое население входило в разряд имперских немцев и ощущало себя носителями цивилизации или во всяком случае более высокой культуры, в отличие от местного населения. После войны новые хозяева, как это обычно бывает, принялись укреплять свои позиции в экономике, общественно-политической и культурной жизни соответствующих территорий. Немцев теснили или даже пытались выдвинуть с обжитых территорий. Однако в Юго-Западной Африке вскоре возобладала заинтересованность властей в немецком населении: оно вносило существенный вклад в экономическое развитие территории, было важным союзником в закреплении здесь господства европейцев, к тому же на немецкую общину переносились имевшие место в ЮАС симпатии к Германии. Это обеспечило немецкой группе благоприятное положение. Власти Польши в большей степени были озабочены ассимиляцией своего немецкого населения и ослаблением немецкого присутствия (в первую очередь на западе страны), ведь ревизионизм и Веймарской, и гитлеровской Германии главным образом был направлен на восточного соседа. Тем не менее польские немцы продолжали играть важную роль в экономике страны, имели возможность развивать собственную культуру. Однако национал-социалисты успешно сыграли на националистических настроениях немцев в ЮЗА и Польше (на их желании вернуться под германское управление, вновь стать единоличными хозяевами территорий проживания), использовали тесные связи диаспоры и меньшинства со страной происхождения и зависимость организаций этих групп от Германии. В отличие от немцев ЮЗА, после Второй мировой войны польские немцы были подвержены массовым выселениям, одной из важнейших причин чего было их активное содействие гитлеровской политике в Польше.

* * *

Хотелось бы выразить глубокую благодарность доктору исторических наук профессору Александру Степановичу Балезину за доступ к книгам из его личной библиотеки, без которых подготовка статьи была бы невозможна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Александров В. Юго-западная Африка // Колониальные проблемы. Сборник второй. М., 1934. С. 212–227.

Балезин А. С. Цивилизаторы в стране дикарей? Формирование и эволюция немецкой поселенческой общины в Юго-Западной Африке / Намибии 1814–1990 гг. М., 1996.

Балезин А. С. Фашизм в Юго-Западной Африке // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 4 (31). С. 367–375.

Ильинская О. И. Защита прав человека в деятельности Лиги Наций // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 96–110.

Кретицин С. В. Были ли немцы в странах Центральной и Восточной Европы «пятой колонной» нацистской Германии? // Вторая мировая война: уроки истории для Германии и России: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Кемерово, 23–25 сентября 2005 г.). Кемерово; М., 2006. С. 233–242.

Кретицин С. В. Немцы в Польше. 1918–1939 гг. / науч. ред. А. Г. Айрапетов. Тамбов, 2019.

Кукушкина И. А. Версаль и Германия: формирование предпосылок Второй мировой войны (постановка проблемы) // Европейские сравнительно-исторические исследования / отв. ред. Ар. А. Улунян, Е.Ю. Сергеев. М., 2017. Вып. 5. Парижская мирная конференция, 1919–1920: взгляд из XXI в. С. 145–154.

Макарова Е. А. Политика Южно-Африканского Союза в вопросе колониальных компенсаций Германии в 1935–1938 гг. // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 18–21.

Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальский договор). URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=20302> (дата обращения: 16.11.2018).

Морозов Е. В. Африка в Первой мировой войне. СПб., 2009.

Николаев С. И. Бывшие колонии Германии в Африке в планах германского фашизма // Востоковедение. Сборник научных трудов. 1979. № 564: Востоковедение, Литературоведение, история. С. 112–121.

Носкова А. Ф. Польша в мировых войнах XX века: изменение территории и трансформация национального облика // Феномен мировых войн в истории XX века: мат-лы Всерос. науч.-теоретич. конф. (г. Воронеж, 11–12 мая 2017 г.) / отв. ред. А. А. Богдашкин. Воронеж, 2017. С. 85–93.

Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А. Ф. Носкова. М., 2012.

Притворов А. В. Белое население и его роль в экономической жизни Намибии // Социально-политическая роль белого населения в Южной Африке: сб. статей / отв. ред. И.В. Витухин. М., 1984. С. 51–74.

Ферст Р. Юго-Западная Африка. Историко-публицистический очерк / пер. с англ. Е. Д. Михайлова. М., 1965.

Bertelsmann W. Die deutsche Sprachgruppe Südwestafrikas in Politik und Recht seit 1915 / Hrsg. von der SWA Wissenschaftlichen Gesellschaft mit geldlichen Unterstützung der Interessengemeinschaft Deutschsprachiger Südwestler. Windhoek, 1979.

Douglas R. M. "Ordnungsgemässe Überführung". Die Vertreibung der Deutschen nach dem Zweiten Weltkrieg / Aus dem Englischen übersetzt von M. Richter. München, 2012.

Fink C. Defender of Minorities: Germany in the League of Nations, 1926–1933 // Central European History. 1972. Vol. 5 (4). P. 330–357.

Hidden J. The Weimar Republic and the Problem of the Auslandsdeutsche // Journal of Contemporary History. 1977. Vol. 12 (2). P. 273–289.

Hoffman H. Deutsch-Südwestafrika wird Mandatsland. Südwester Geschichte 1914–1925. Windhoek, 1991.

Lemberg H. Kulturautonomie, Minderheitenrechte, Assimilation. Nationalstaaten und Minderheiten zwischen den beiden Weltkriegen in Ostmitteleuropa // Auf dem Weg zum ethnisch reinen Nationalstaat? Europa in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von M. Beer. Tübingen, 2004. S. 91–117.

Nawratil H. Schwarzbuch der Vertreibung 1945 bis 1948. Das letzte Kapitel unbewältigter Vergangenheit. München, 1999.

Panayi P. Germans in Britain during the First World War // German History. 1992. Vol. 10 (1). P. 63–76.

Pinon R. Das Schicksal Polens // Verjagt — beraubt — erschlagen. Die Austreibung aus den alten deutschen Grenzmarken. Schicksal und Völkerrecht / Hrsg. von R. G. Pradelle, J. Pange, R. Pinon, S.J. Kynast, I. Merten. Wiesbaden, 1961. S. 81–95.

Swakopmund. Eine kleine Chronik / Zusammengestellt von U. Massmann. Swakopmund: Gesellschaft für Wissenschaftliche Entwicklung und Museum, S.W. Afrika/Namibia, 1990.

Wynot Jr. E. D. The Polish Germans, 1919–1939: National Minority in a Multinational State // The Polish Review. 1972. Vol. 17 (1). P. 23–64.

RESULTS AND CONSEQUENCES OF THE FIRST WORLD WAR FOR THE GERMAN POPULATION IN SOUTH-WESTERN AFRICA AND POLAND

A B S T R A C T. The article compares the fate of two groups of Germans after the First World War—the German community of the former German South-West Africa and the German population of the territories which became a part of the Polish state after the war. The author analyzes common and particular features in the existence of both groups based on the following aspects of the national policies of South Africa and Poland: the resettlement of Germans, their socio-economic and legal status, and the governmental policies in the field of cultural development of the German population. In both cases, especially during the initial post-war period, the new administrations, in order to gain a foothold in the respective territories, tried to suppress the former German masters. On the other hand, in the interwar years both in western Poland and South-West Africa there were conditions for the coexistence with German minority groups: South African administration was interested in cooperating with the Germans in exploiting the mandated territory, while the Poles made certain concessions on the German issue, in particular, to improve relations with Germany. Nevertheless, in both groups there was strong sympathy for the ideas of the return of the respective lands to Germany, many Germans wanted to feel themselves once again the sole masters there. Representatives of the Polish Germans assisted Hitler Germany in the implementation of these ideas, which affected their fate after the World War II.

KEY WORDS: German minorities and diasporas, South-West Africa, Poland, migration, rights of national minorities, loyalty, irredentism

EVGENY S. POLUNIN — PhD, Senior researcher, Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin (Russia, Voronezh)

E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru